

Куклачев Ю.

19/11/87
267

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

7. МАРТ

9 ДЕКА 1987

У НЕГО ВСЕ КОШКИ ТАЛАНТЛИВЫ

Занавес едва шевельнулся, и на дорожку, ведущую к манежу, по которой обычно скачут цирковые кони, прыжками несутся экзотические хищники, неслышными, мягкими шажками, как бы нехотя, как бы всем нам делая одолжение, ступил самый малый представитель этого хищного семейства. Самый привычный и обыденный. И, быть может, именно по этой причине самый загадочный. Обыкновенный кот. То есть какой же обыкновенный? Ученый, почти как в классических пушкинских стихах, способный завести свою «песню», прогуливаясь вокруг манежа в ногу со своим хозяином, по команде прыгать ему на плечо и мяукать ему, простите, шептать что-то на ухо и дружить с собакой, не упуская возможности продемонстрировать свое над ней превосходство и лаять по шесту, и прыгать сквозь кольцо... Поразительная вещь, этот прыжок домашнего кота представляется едва ли не большим событием, нежели грациозные, полные сдержанной силы броски сквозь горящее кольцо его знаменитых родственников: львов и тигров. Впрочем, что ж удивляться, те — артисты традиционные, их, пожалуй, ныне чаще можно встретить на цирковом манеже, нежели в их родных джунглях и саваннах, а этот обитатель квартир, чердаков и подвалов на арене — фигура уникальная.

Разумеется, читатель догадался уже, что описанный мною кот — образ, как говорится, собирательный, подобный другим таким же котам, созданным народной фантазией и писательским вдохновением, на самом же деле речь идет о нескольких десятках хвостатых артистов — рыжих, полосатых, дымчатых, белых, черных, пушистых и гладкошерстных, изысканно породистых и бесповоротно дворовых, которые участвуют в аттракционе народного артиста РСФСР клоуна Юрия Куклачева.

«Цирк берет интервью» — называется программа, которую сейчас можно увидеть в здании на Ленинских горах. Замысел, как нетрудно догадаться, вдохновлен нынешней общественной атмосферой, в частности активностью средств массовой информации, которые и впрямь, а не ради броского сравнения окунались в самый водоворот кипящей и бурлящей действительности, упреждают события, опережают факты, то и дело возникают со своими микрофонами в местах традиционного людского притяжения, посреди спешащей

толпы. Что вы думаете об этом? Каково ваше мнение о том?

Вот и клоуны стараются не отстать, тычутся потешным микрофоном туда и сюда, вслед за воздушной гимнасткой едва ли не под купол цирка устремляются, у легендарного силача вертятся под рукой, отвеьте им, что такое счастье?

Вот такую вроде бы не свойственную ему «философичность» вдруг обнаруживает цирк, такую не привычную для него потребность в рассуждении. Может быть, даже и чрезмерную, вступительный монолог, который хоть и «в образе», но вполне всерьез произносит Юрий Куклачев, несомненно, длинен да и пресноват, пожалуй, для циркового манежа. Но цирк заговорил, и тут уж никуда не денешься, цирк тоже ощущает нормальную в такое время для всякого искусства, как и для любого человека, потребность высказаться прямо и откровенно, без инскажений и художественных ухищрений, стоит ли упрекать его за это? Иное дело, что о более естественном соответствии публицистического запала самой природе цирка дейст-

вительно можно побеспокоиться.

Ибо природа его неизменна, в этом убеждаешься в тот момент, когда в свои почти пятьдесят вдруг испытываешь прилив тех же самых, простых и счастливых чувств, какие открывали тебя с головой в детстве и в юности вот тут же, возле цирковой арены. Ну, конечно, современные технологии способствуют не возможным прежде эффектам, открывают новые возможности в преодолении чуть ли не всей классической физики, все равно любой трюк оправдан лишь в том случае, если он затронул человеческую душу, вдохновил ее хоть на мгновение пусть несбыточной, но искренней надеждой, приподнял над обыденностью. Цирк — это вечная метафора судьбы, все, чего не удастся испытать, достичь наяву, проживается и переживается тут с удвоенной силой, смотришь на гимнастку, танцующую на проволоке, а думаешь о своей жизни. Выходит, вовсе не так уж абстрактно философично то самое интервью о счастье, которое с комической настырностью проводят клоуны. Где еще его

проводить, как не на манеже, где чудеса творятся по обыденному расписанию, а обыденность силою фантазии и любви преобразуется в чудо. Ну в самом деле, разве не чудо — все эти питомцы Юрия Куклачева и Владимира Анисимова, коты и кошки, плутоватые и лукавые, недоверчивые и любопытные, вечно ходящие «сами по себе», обращенные в послушнейших воспитанников, в понятливейших учеников, в безотказнейших артистов? И невольно думаешь о том, что фигуры кота в сапогах или, скажем, булгаковского Бегемота, никого не трогавшего, починавшего примус, черт возьми, не так уж аллегоричны, в них гораздо больше реализма, чем можно было предположить, — Юрий Куклачев со своими последователями нам недвусмысленно об этом намекают. Забавляют ли они нас этими своими намеками, этим проникновением в непостижимую кошачью душу, по мнению японцев, даже мистическую, смешат ли? Ну, конечно. Еще как! Несмолкающий смех — лучшее тому свидетельство. Между прочим, в него любопытно вслушаться, поскольку характер успеха кое-что объясняет в характере творчества. Так вот, это не хот до упаду, до изнеможения, до колик, это не саркастический, торжествующий смех, это сама звучащая полнота души, сердечная радость, блаженство и умиление, если прибегнуть к понятиям старомодным, но точным.

Таков жанр Юрия Куклачева — домашностью своих зверей, домашностью своей клоунской утвари, кастрюль, поварешек, ведер и тазов, домашностью, то есть интимностью, задушевностью своей манеры он приводит зрителей в состояние чудесного примирения с самим собой. Что-то освобождается, распрямляется в нашем духовном существе. Разглаживаются внутренние морщины. Царапины заживают, тщательно лелеемые обиды становятся несущественными. Мы всех понимаем, и нас по-

нимают все, может, это и впрямь есть счастье, во всяком случае та простая, естественная, везде и всюду ценимая человечность, которая, выражаясь по-пушкински, может служить заменой ему.

Такой художественный капитал дороже самых изощренных трюков, потому что трюкам можно научиться, а доброта — тот самый дар, который ни имитации, ни моральному износу не подлежит.

И, кстати, не нуждается ни в переводе, ни в интерпретации — доходит сразу и до всех. В этом смысле люди подобные своим младшим братьям, кошкам и собакам, доброту улавливают тотчас какими-то не познанными еще рецепторами души. Надо думать, именно этим объясняется постоянный успех Юрия Куклачева за пределами нашего Отечества. Он не принадлежит к числу так называемых «экспортных» артистов, никакой особой русской экзотикой не торгует. За границу вывозит только то, чем полюбился родному зрителю, — своих котов и свое народное простодушие. И громкие аплодисменты ему на разных континентах и в разных странах служат еще одним подтверждением той очевидной истины, что, вопреки превратностям удачи, прославиться за границей, как правило, можно лишь тем, чем и дома. В данном случае теми же самыми российскими кошками, мурками и барсиками, любовь к которым делает имя Юрия Куклачева особенно популярным в Японии и во Франции. (Кот в сапогах, как известно, сумел представить своего хозяина королем, так вот благодаря своим котам московский клоун лично познакомился с французским премьер-министром).

Говорят, что клоун — это не профессия, это мировоззрение. Мировоззрение Ю. Куклачева не требует особой трактовки. Он любит все живое на свете. И умеет ладить с животными и с людьми. Все остальное прилагивается как бы само собою — и юмор, и смех, и особая поэзия доброты.

...Взлетают в воздух акробаты, танцуют красавицы, добрый великан катает трехпудовые шары по своим плечам, а на жердочке невозмутимо сидит кот, всем своим видом желая показать, что он здесь сам по себе, никого не трогает... Знаменитую цитату может продолжить всякий желающий...

АН. МАКАРОВ.

Фото Г. Хомзора.